

A photograph of a building's facade at dusk. A large, rectangular window on the first floor is brightly lit from within, showing the silhouette of a person sitting at a desk and working on a computer. The window is framed by a dark, ornate architectural structure. In the foreground, two people are walking past the window, their figures blurred to convey a sense of motion. The overall color palette is muted, with dark greys and browns for the building and street, and a warm, yellowish glow from the window's interior light.

ОКНО НА ПЕРВОМ ЭТАЖЕ

Роман Эл

Окно на первом этаже

«Автор»

2026

Эл Р.

Окно на первом этаже / Р. Эл — «Автор», 2026

В девятнадцать лет я случайно стал верстальщиком местной газеты. Я почти ничего не умел, а первый номер оказался настоящей катастрофой. Но именно с него начался мой путь в графическом дизайне. Дальше были самостоятельное обучение, первые клиенты, фриланс, ошибки, бесконечные правки, курсы, работа в крупном холдинге и создание культурно-делового журнала. Потом — собственная цифровая типография, где я был одновременно дизайнером, менеджером и производителем. А затем — свободное плавание, постоянные клиенты и проекты стоимостью от тысячи долларов за логотип. «Окно на первом этаже» — личная история о том, как случайная работа постепенно превращается в профессию, а профессия — в дело жизни. Это книга не только о дизайне. Она о начале с нуля, страхе ошибиться, поиске своего пути, цене опыта и о том, что иногда для большой перемены достаточно однажды сказать: «Я попробую».

© Эл Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый номер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Окно на первом этаже

Глава 1. Первый номер

«Человек учится всю жизнь, за исключением первых лет, когда его учат.»

Вацлав Гавел

Мне было девятнадцать лет, когда я впервые оказался в редакции местной газеты. Я совершенно не представлял, что это место станет началом моей профессиональной жизни. В то время я вообще не думал о графическом дизайне как о профессии и уж точно не строил планов стать дизайнером. Компьютер я знал на самом обычном уровне: умел работать с файлами, устанавливать программы, искать что-то в интернете, пользоваться стандартными приложениями. Для девятнадцатилетнего человека этого казалось вполне достаточно. О том, что существует отдельная профессия, в которой люди часами выбирают шрифты, выстраивают композиции, подбирают цвета и спорят о том, насколько несколько миллиметров свободного пространства меняют восприятие страницы, я тогда почти ничего не знал. Моя мама была главным редактором небольшой местной газеты, которая выходила раз в неделю. Редакция располагалась в переоборудованной квартире на первом этаже многоэтажного дома. Если бы я сейчас попытался представить эту редакцию человеку, который никогда её не видел, наверное, проще всего было бы сказать, что это была обычная квартира, в которой вместо обычной жизни происходила работа. Несколько комнат превратились в кабинеты, на столах стояли компьютеры, рядом лежали бумаги, фотографии и распечатанные материалы, постоянно звонил телефон, кто-то обсуждал очередную статью, кто-то ждал фотографию, кому-то нужно было срочно внести изменения. Никакого ощущения большого издательского бизнеса там не было. Это была маленькая редакция, где каждый человек выполнял сразу несколько функций, а очередной номер появлялся не благодаря сложной системе, а потому, что несколько людей каждую неделю делали всё необходимое, чтобы он появился.

В какой-то момент из этой системы выпал верстальщик. Он увольнялся, а искать нового человека было некогда. Газета выходила еженедельно, и у неё существовал простой и беспощадный график: какой бы бардак ни происходил внутри редакции, к определённому дню номер должен быть готов и отправлен в типографию. Газета не могла сказать читателям: «Извините, в этом месяце мы не нашли нового верстальщика, поэтому выпуска не будет». Поэтому мама предложила мне попробовать заменить его. Сейчас, когда я смотрю на эту историю глазами человека, который много лет проработал в дизайне, решение кажется довольно рискованным. У меня не было профильного образования, опыта работы с печатными изданиями и даже нормального понимания того, что именно делает верстальщик. Но в девятнадцать лет ты гораздо меньше думаешь о последствиях и гораздо чаще соглашаешься на вещи просто потому, что тебе интересно попробовать. Кроме того, рядом был человек, который должен был уйти, но ещё некоторое время мог меня обучать. Поэтому мы договорились, что будем встречаться в редакции по вечерам. Днём у него была работа, а вечером, когда сотрудники постепенно расходились и редакция становилась тише, он показывал мне, как всё устроено. Я садился рядом и смотрел на экран, пытаясь запомнить последовательность действий. Он открывал материалы, рассказывал, как собирается страница, как работать с фотографиями, как размещать текст, что нужно проверить перед сдачей. Тогда мне казалось, что я довольно быстро всё освою. В этом вообще есть определённая ловушка любого обучения: пока смотришь на человека, который умеет работать, кажется, что понимаешь гораздо больше, чем понимаешь на самом деле. Опытный специалист двигает мышкой, открывает нужное окно, меняет размер фотографии, передвигает блок, и вся работа выглядит почти механической. Ты наблюдаешь и думаешь: «Ну

что здесь сложного?» А потом садишься за компьютер самостоятельно и внезапно обнаруживаешь, что не знаешь, с чего начать.

Работа верстальщика тогда представлялась мне гораздо проще, чем оказалась на самом деле. Я думал, что основная задача — собрать страницу: поставить текст, добавить фотографию, оформить заголовок и сделать так, чтобы всё выглядело аккуратно. На практике верстка была только одной частью большого процесса. Нужно было получить материалы у редактора, принять фотографии у фотографа или найти подходящие изображения, обработать их, собрать страницу, показать её редактору и корректору, получить замечания, внести правки и только после этого подготовить номер к отправке в типографию. Причём законченной работа никогда не была окончательно. Изменение одного абзаца могло сдвинуть соседний материал, новая фотография могла оказаться другого формата, редактор мог решить, что заголовок нужно заменить, а корректор — обнаружить ошибку уже после того, как ты несколько часов смотрел на эту страницу и был уверен, что всё проверил. Сегодня дизайнеры привыкли к тому, что почти любую ошибку можно исправить несколькими действиями, а файл можно сохранить в десятке вариантов. В печати всё было немного иначе. Пока номер находился на компьютере, у тебя была возможность бесконечно его переделывать. После отправки в типографию возможности заканчивались. Если ошибка попадала в печать, она уже становилась частью газеты. Это ощущение физического результата я запомнил очень хорошо. Ты не просто сдаёшь файл. Ты понимаешь, что через какое-то время этот файл превратится в бумагу, бумагу возьмут в руки реальные люди, и всё, что ты сделал или не сделал, станет видимым.

Вечерние занятия продолжались несколько дней. Я учился работать с текстом, фотографиями, размерами и расположением элементов, постепенно запоминая техническую сторону процесса. Особое внимание уделяли изображениям. Мне показывали, как их обрабатывать, и здесь я довольно быстро проявил типичную болезнь начинающего: мне хотелось улучшить всё. Если фотография была тёмной, я делал её светлее. Если цвета казались недостаточно насыщенными, усиливал их. Если не хватало резкости, добавлял резкость. Когда человек впервые получает в руки графический редактор, ему кажется, что хороший результат — это тот, в котором заметно, что над изображением работали. Нужно что-то изменить, усилить, добавить. Потом проходит время, и ты начинаешь понимать, что хорошая обработка часто выглядит совершенно незаметно. Её задача не показать мастерство человека за компьютером, а привести изображение в нужное состояние. Если фотография стала настолько обработанной, что зритель замечает в первую очередь обработку, а не саму фотографию, дизайнер, скорее всего, перестарался. Тогда я этого ещё не знал. Мне нравилось двигать ползунки и видеть, как изображение меняется прямо на глазах. Каждое новое действие казалось маленьким достижением. Чем больше возможностей я обнаруживал, тем сильнее хотелось ими воспользоваться.

Постепенно наставник показал мне достаточно, чтобы я мог попробовать сделать номер самостоятельно. Его уход приближался, и наступил момент, когда рядом больше не было человека, который мог посмотреть на экран и сказать, что я делаю неправильно. Передо мной лежали материалы очередного выпуска, и теперь именно мне нужно было превратить их в готовые страницы. Я довольно быстро понял, насколько отличается наблюдение от самостоятельной работы. Пока кто-то другой выполняет задачу, ты видишь только последовательность действий. Когда задача оказывается перед тобой, появляются десятки решений, которые до этого были незаметны. Какой материал поставить первым? Какой заголовок сделать крупнее? Как расположить фотографию? Что делать, если текста слишком много? Уменьшить шрифт, сократить фотографию или изменить композицию? Где оставить свободное место, а где его можно заполнить? Я не знал большинства ответов, но номер всё равно нужно было закончить. У меня не было возможности отложить его до тех пор, пока я не стану достаточно хорошим специалистом. Профессия устроена несколько жестче: сначала тебе дают задачу, а потом ты выясняешь, насколько ты к ней готов.

Первый номер я провалил. Газета, конечно, вышла, но моя работа была далека от того уровня, который сегодня я назвал бы профессиональным. Многие были сверстаны не так, некоторые фотографии я плохо обработал, часть правок пропустил, а какие-то ошибки вообще не заметил. Самое неприятное было в том, что в процессе работы мне казалось, будто всё постепенно складывается. Я долго смотрел на страницы и привыкал к ним настолько, что переставал видеть очевидные проблемы. Это происходит с дизайнерами постоянно: если смотреть на один макет достаточно долго, глаз адаптируется к нему, а мозг начинает воспринимать изображение не таким, какое оно есть, а таким, каким ты его уже запомнил. Поэтому профессионалы откладывают работу, меняют масштаб, смотрят на макет издалека, показывают его коллегам или просто делают перерыв. Иногда лучший способ найти ошибку — перестать искать её несколько минут. У меня тогда не было ни такого опыта, ни привычки. Я просто сидел перед готовой страницей и думал, что она уже готова. Потом пришли редакторские и корректурные правки, и стало очевидно, что готова она была только в моей голове.

Мне было страшно. Я понимал, что теперь отвечаю за результат, и не очень хотелось, чтобы все увидели, насколько мало я на самом деле умею. Но вместе со страхом было другое чувство — мне хотелось попробовать ещё раз. Первый номер не вызвал у меня желания всё бросить. Скорее наоборот, он показал, сколько всего я не знаю. Это оказалось гораздо полезнее любой похвалы. Если бы мне тогда сказали, что я отлично справился, возможно, я бы остановился на достигнутом. Вместо этого я увидел свои ошибки и получил вполне конкретный список вещей, которые нужно было научиться делать лучше. Со вторым номером стало проще. Не потому, что за несколько дней я превратился в профессионала, а потому, что теперь у меня был опыт. Я уже знал, где могут возникнуть проблемы, внимательнее относился к материалам, проверял правки и начинал заранее думать о том, как всё будет выглядеть после печати. Ошибки первого выпуска постепенно превращались в рабочие привычки. Я начал понимать, что хороший макет — это не тот, в котором как можно больше элементов, а тот, в котором каждый элемент находится на своём месте и выполняет определённую функцию. Начал замечать значение свободного пространства, хотя тогда ещё не знал всех профессиональных терминов. Если раньше пустое место на странице казалось мне недостатком, который нужно чем-нибудь заполнить, теперь я видел, что иногда именно оно делает композицию спокойной и позволяет читателю понять, куда смотреть.

Работа в редакции постепенно изменила моё отношение к изображениям вокруг. Я стал замечать то, чего раньше не замечал. В газетах и журналах начал рассматривать не только содержание, но и оформление. По дороге мог обратить внимание на вывеску, рекламный плакат или ценник и подумать, почему здесь выбран именно такой шрифт. Открывая журнал, смотрел на фотографии и пытался понять, почему одна полоса выглядит спокойно, а другая кажется перегруженной. Я ещё не мог объяснить всё это профессиональными словами, но уже начал чувствовать разницу. Наверное, это был мой первый настоящий шаг в сторону дизайна. Не обучение программе, не первая сверстанная страница и даже не первая фотография, которую я обработал, а момент, когда окружающая визуальная среда вдруг стала для меня интересной. До этого я просто смотрел. Теперь начал рассматривать.

Газета одновременно учила меня ещё одной вещи — ограничениям. У страницы был конкретный размер, у текста был конкретный объём, у фотографии было определённое качество, а у номера существовал срок сдачи. Если материала становилось больше, нельзя было просто растянуть страницу. Нужно было принять решение. Иногда приходилось уменьшать фотографию, иногда менять композицию, иногда искать другое решение для текста. А когда редактор в последний момент приносил дополнительный материал, который тоже нужно было поставить в номер, все красивые рассуждения о композиции заканчивались довольно быстро. Нужно было открыть макет и решить задачу. Впоследствии я много раз сталкивался с этим уже в других направлениях дизайна. Хороший дизайнер не тот, кто умеет делать всё, что приходит

ему в голову. Хороший дизайнер умеет выбрать из множества возможных решений то, которое лучше всего отвечает задаче, срокам, бюджету, формату и аудитории. В девятнадцать лет я, конечно, не формулировал это таким образом. Я просто пытался вместить очередную статью на страницу и не испортить её.

Постепенно работа стала привычной. Я уже не боялся каждого нового номера и начал чувствовать себя частью процесса. Получал материалы, обрабатывал фотографии, собирал страницы, ждал правок, исправлял их, снова проверял и отправлял номер в типографию. Появилась скорость. То, на что раньше уходило много времени, стало занимать гораздо меньше. Я начал заранее замечать некоторые проблемы и понимать, как их избежать. Но вместе с техническим навыком появилось кое-что более важное — любопытство. Мне стало интересно, почему одни страницы выглядят профессионально, а другие нет. Почему один шрифт хорошо работает в заголовке, а другой сразу создаёт ощущение дешёвой рекламы. Почему сочетание двух цветов может выглядеть дорого, а другое — случайно. Почему фотография иногда должна быть большой и почти занимать всю страницу, а иногда лучше оставить её небольшой и дать больше места тексту. Я пока не знал ответов, но мне уже хотелось их узнать.

Именно поэтому после работы в редакции я начал самостоятельно искать информацию в интернете. Это было продолжением того же процесса, который начался с первого номера. Я увидел, что умею недостаточно, и захотел научиться большему. Сначала искал конкретные ответы на конкретные вопросы, потом начал смотреть обучающие материалы просто из интереса. Разбирался с программами, повторял чужие приёмы, пытался сделать что-то самостоятельно. Иногда получалось, иногда результат был ужасным. Но теперь неудача воспринималась иначе. Если раньше плохой результат означал для меня «я не умею», то постепенно он стал означать «я пока не умею». Это маленькое изменение в формулировке на самом деле сильно меняет отношение к обучению. «Я не умею» звучит как характеристика человека. «Я пока не умею» — как описание текущего состояния, которое можно изменить.

Впрочем, тогда я ещё не знал, насколько длинным окажется этот путь. Я не представлял, что впереди будут фриланс, первые настоящие клиенты, ошибки уже не на страницах небольшой газеты, а в проектах, за которые платят деньги, собственная цифровая типография, где мне придётся одновременно быть дизайнером, оператором, менеджером и человеком, который отвечает вообще за всё, работа в крупном холдинге и глянцевого культурно-делового журнала, а потом — свободное плавание, когда клиенты начнут приходить уже не потому, что кому-то срочно понадобился человек на замену, а потому, что они будут искать именно меня. Не знал я тогда и того, что однажды смогу назвать цену в тысячу долларов за логотип и спокойно продолжить разговор о задаче, не пытаясь доказать, почему эта сумма справедлива. Всё это было далеко впереди. На тот момент у меня была только небольшая местная газета, компьютер, базовые навыки и желание разобраться, почему одна страница получается лучше другой.

Если сегодня меня спросить, когда началась моя карьера графического дизайнера, я мог бы назвать множество дат. Можно считать первым днём первый самостоятельный номер газеты. Можно — момент, когда я записался на курсы графического дизайна. Можно — первый оплаченный заказ или первую серьёзную работу в компании. Но если выбирать одно событие, я бы всё-таки вернулся в ту переоборудованную квартиру на первом этаже. К вечеру редакция затихала, сотрудники расходились, а я оставался перед компьютером и пытался разобраться, как собрать очередную страницу. Я ещё ничего не знал о профессии, не понимал её масштаба и не представлял, куда всё это приведёт. Я просто делал следующий номер. Первый получился плохо. Второй — немного лучше. Третий — ещё лучше. А потом количество попыток стало настолько большим, что между человеком, который когда-то впервые сел за верстку, и дизайнером, которым я стал спустя годы, уже невозможно было провести одну точную границу. Наверное, профессия вообще так и появляется — не в один день, а незаметно, когда ты снова и снова делаешь одну работу, каждый раз понимая о ней чуть больше.

Первый номер был плохим. Но именно с него всё началось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.